

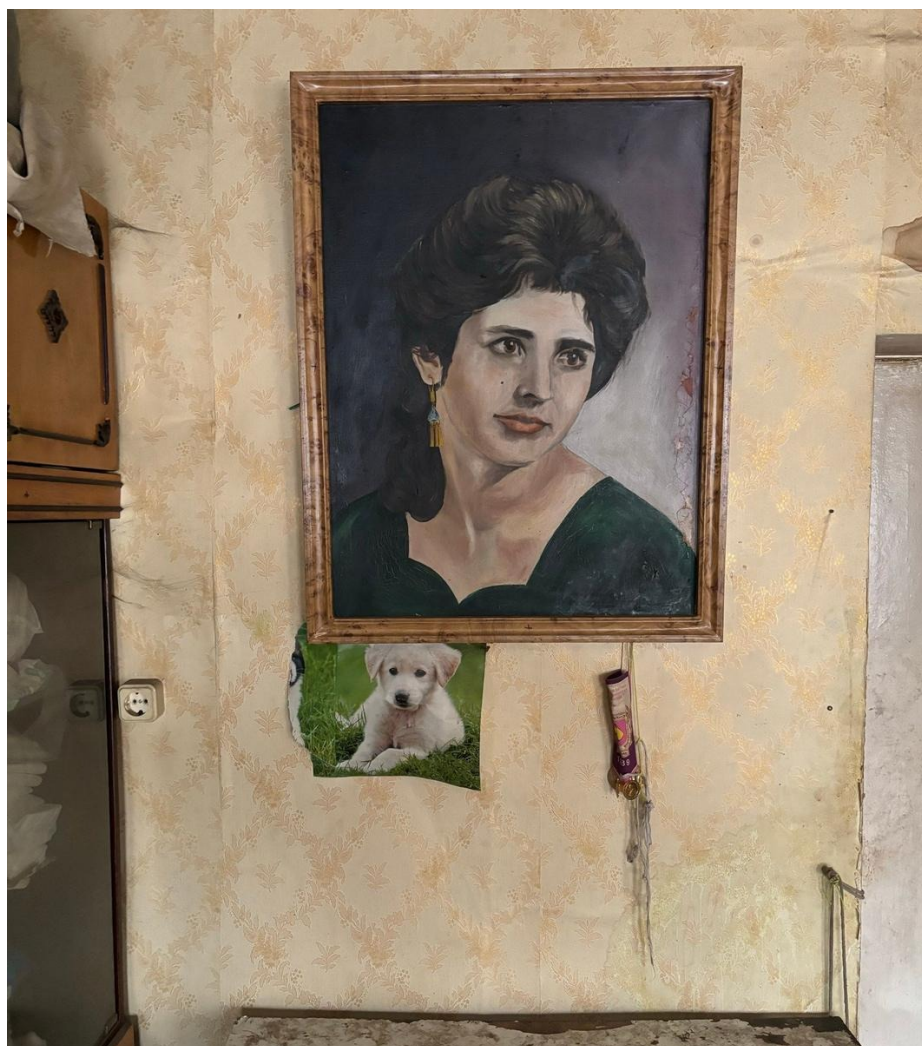
ОСВОБОЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Настает время, когда фронт становится ближе, чем кажется. Как закончилась жизнь Марии Неживых

10:12, 16 февраля 2026,

Виктория Артемьева

Портрет Марии Антоновны Неживых. Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Когда в понедельник утром ее нашли полусидящей на полу коридора, ведущего в дровяник, Мария Антоновна Неживых была еще жива. Нашла ее соцработница Нина, навещавшая женщину каждый день: вокруг — большая лужа крови, голова была разбита и на похудевшем 82-летнем теле выглядела непропорционально большой, чужой, пришитой — фиолетовый мяч, а не голова. В обычно убранном, чистом доме — все шкафы наизнанку, разгромлены все комнаты. И только за закрытой дверью одной из них, у старика хозяина, как всегда, орал телевизор — старик так ничего и не заметил.

Дом Марии Антоновны стоит у самой дороги посреди поселка Белоярский. С него, вытянувшегося вдоль Тюменского тракта, стоило бы писать картины из серии «Русская тоска»: с покосившимися заборами, с почерневшими деревянными домами вразвалку, на фасадах некоторых — развевающиеся российские флаги бок о бок с огромными пожелтевшими телевизионными тарелками «Триколор-ТВ».

С полуоборванным плакатом на волнистом заборе перед каменным одноэтажным домом под нависающим на

деревянных тонких столбах блеклым куполом: «Посольство небесного царств...». С выцветшими растяжками гордой, видной издалека рекламы шаурмы, под которой тут же — букеты искусственных кладбищенских цветов, предназначенных то ли для тех, кто съел, то ли для тех, кого съели.

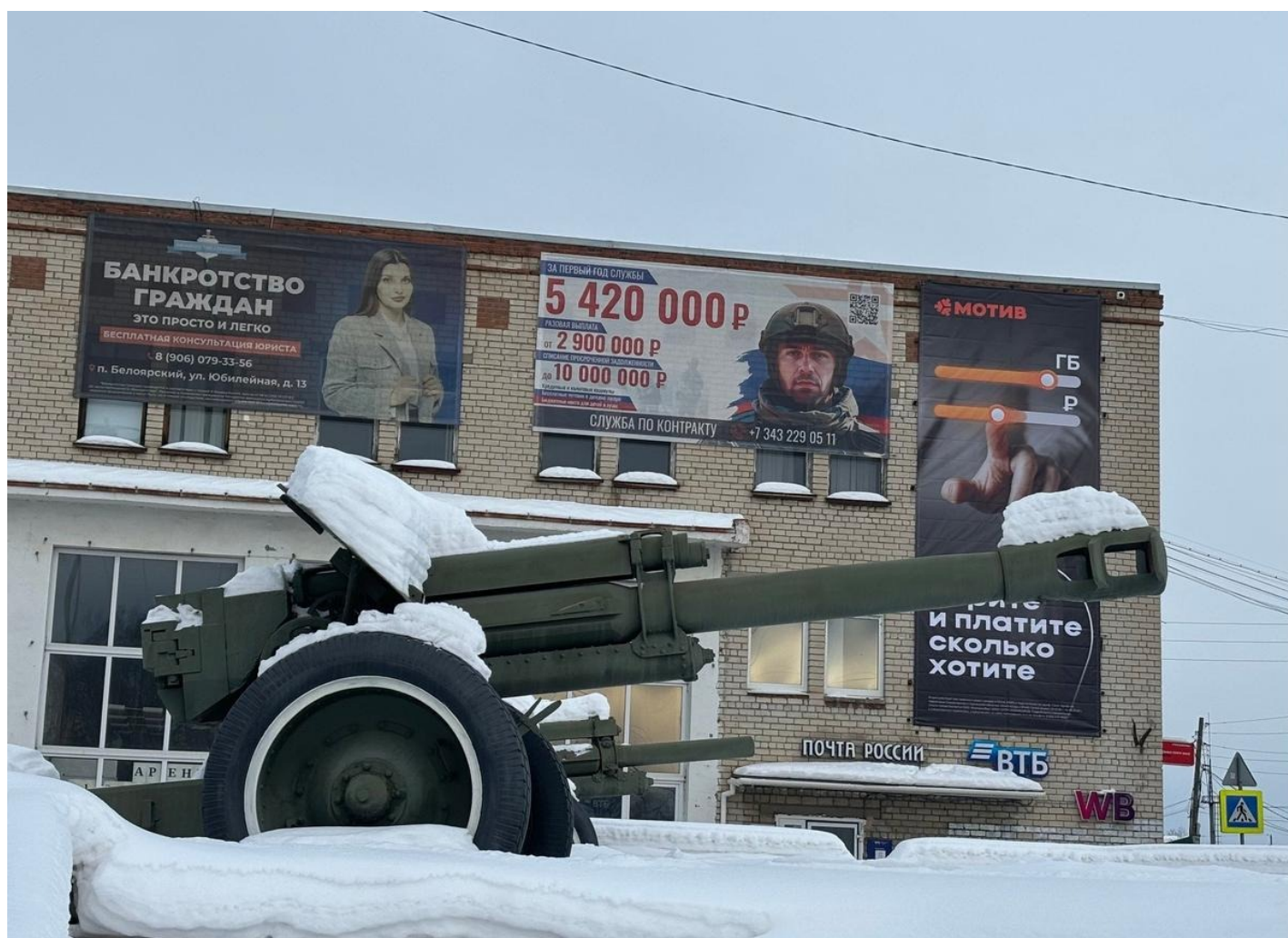

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Иногда пейзаж русской тоски перебивается краснотой поблескивающих на солнце чистыми пластиковыми окнами кирпичных коттеджей, но это редко. Белоярский — это вам не Заречный. Вот там-то, в Заречном, где стоит АЭС, кипит жизнь: город полон сотрудниками станции, а это все-таки уровень, это все-таки образование, это не кто попало. Белоярский по сравнению с Заречным — другая планета, хоть и расположен не так уж далеко. И хотя здесь тоже было градообразующее предприятие — асбокартонная фабрика, — оно давно утонуло в

миллионных долгах, а его гендиректора судили за невыплату и неуплату зарплат и налогов. Так что жить здесь не о чем и некуда, и везде — в магазинах, в ларьках, на автостанции, в суде — встречают приезжего такие лица, как если бы Пикассо взялся иллюстрировать платоновский «Котлован».

Красные, красновато-коричневые, желтые, даже зеленоватые, всех оттенков и форм — говорят, в глубине поселка есть целые районы-гетто, где только они и живут: спившиеся и спивающиеся, те, кто от безысходности и безденежья еще не ушел на СВО. А ушли, говорят, очень многие: сколько — не считали.

Неподалеку от местного белоколонного Дома культуры, сильно контрастирующего с общим пейзажем, в конце Аллеи боевой славы с мемориалами «исполнившим свой долг» во Второй мировой, над стелой, окруженной бюстами советских командиров, висит плакат с портретом штурмовика и безразмерной цифрой 5 420 000. Мимо этого пройти здесь и правда сложно.

Семья Неживых всегда отличалась от этих лиц и этих домов. Это теперь не отличается — в покосившемся и опустевшем деревянном доме, занесенном по окна черным из-за близкой автотрассы снегом, пахнет отсыревшим тряпьем, кошками и чужой смертью. Но на облезлой стене остался портрет хозяйки — типично советский, выполненный по фото, но заставляющий подозревать художника в неразделенной любви к живописи Серова: хозяйка на нем — почти копия Софьи Драгомировой-Лукомской, дочери генерала и жены генерала.

Сходство между ними не только портретное — жизнь Марии Антоновны к войне имела такое же непосредственное отношение. Она родилась незадолго до начала Великой Отечественной. В деревне под белорусским городом Новогрудком — тем самым, откуда во время оккупации узникам еврейского гетто удалось совершить один из самых успешных побегов в Европе. Новогрудок начали бомбить почти с первых дней войны и, как вспоминал один из пленников местного гетто Джек Каган, решивший потом создать на этом месте музей и мемориал, уже спустя две недели разбили и сожгли почти весь центр города. 4 июля началась оккупация, и вскоре после ее начала на рыночной площади публично расстреляли 52 еврея. Во время расстрела немецкий оркестр исполнял классическую музыку.

Теперь здесь музей: по бывшим баракам водят экскурсии, во

дворе стоит скульптурная композиция «Желанию жить», а вокруг цветет Сад справедливости и милосердия — деньги на его благоустройство давал Джаред Кушнер, зять и доверенное лицо Дональда Трампа, чья семья в полном составе собиралась побывать здесь за пару лет до февраля. Мать Кушнера оказалась одной из тех узников, которым удалось прорыть подземный ход и спастись в окружающих лесах — в лагерях партизан. А одним из тех, кто белорусским партизанам помогал, был отец Марии Антоновны.

Теперь уже невозможно узнать, как повлиял на судьбы американского президентства безымянный помощник белорусских партизан — судьба иронична, и вполне может быть, что, если бы не отец Марии Антоновны, пришлось бы Трампу проводить свою избирательную кампанию при поддержке совсем другого зятя, а может быть, и совсем иначе договариваться о мире. Мария Антоновна была тогда еще совсем ребенком и не могла запомнить все, что творилось тогда вокруг,

но помнила и рассказывала о том, как отец их где-то прятал, как они куда-то бежали, как он был арестован и как его, избитого и полуживого, привезли из Новогрудка домой на телеге. Помнила — и не сомневалась ни в благородстве войны, ни в правоте власти, на войну зовущей.

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Выйти замуж она мечтала тоже за военного — и вышла: женой генерала, правда, не стала, но стала женой офицера. Почему мечтала — неизвестно: может, потому, что все в деревне об этом мечтали, а может, из-за привилегированного положения, к которому всегда стремилась. Во всяком случае, знакомые Марии Антоновны вспоминают ее именно как жену офицера: властную, осанистую, высокомерную и бесстрашную. И совершенно неспособную выйти за продуктами в соседнюю «Пятерочку» без того, чтобы не провести перед этим полтора часа перед зеркалом.

Оба они — и жена, и муж — были из тех людей, которые делают себя сами: он рос от работника военного аэродрома до подполковника и начальника ЭВМ, она — от повара в столовой военного городка под Читой до замначальника треста этих столовых. Наверное, из этого — из непреодолимого желания руководить, из близости обоих к кругам военного командования, из жизни, проведенной в военных городках

Забайкаля, — вылепились и ее осанистость, и ее высокомерие, воплощение того благородства войны, которое она себе представляла.

Когда их сын Игорь устроился работать в Заречный, они переехали в этот дом у Тюменского тракта, чтобы быть поближе к нему. Переехали — и стали очень выделяться на фоне общего Белоярского пейзажа. Выделялись всем: и тем, что в доме никогда не звучало ни одного матерного слова, и тем, сколько всего в нем — от дровняка и веранды до шифоньеров — было выстроено своими руками, и тем, насколько точен был стиль самой Марии Антоновны. Жена офицера не выходила на улицу без укладки, без затянутого пояса, без золотого кольца, не могла не подшить под себя покупное платье и уж точно не могла не надеть самые дорогие украшения, навещая родственников. И даже в ее восемьдесят два никто не мог бы назвать ее старухой. Даже ее муж, впавший к концу жизни в глубокую деменцию, ничего не понимавший и ничего не говоривший, бывало, долго стоял и любовался тем, как она расчесывает перед зеркалом волосы.

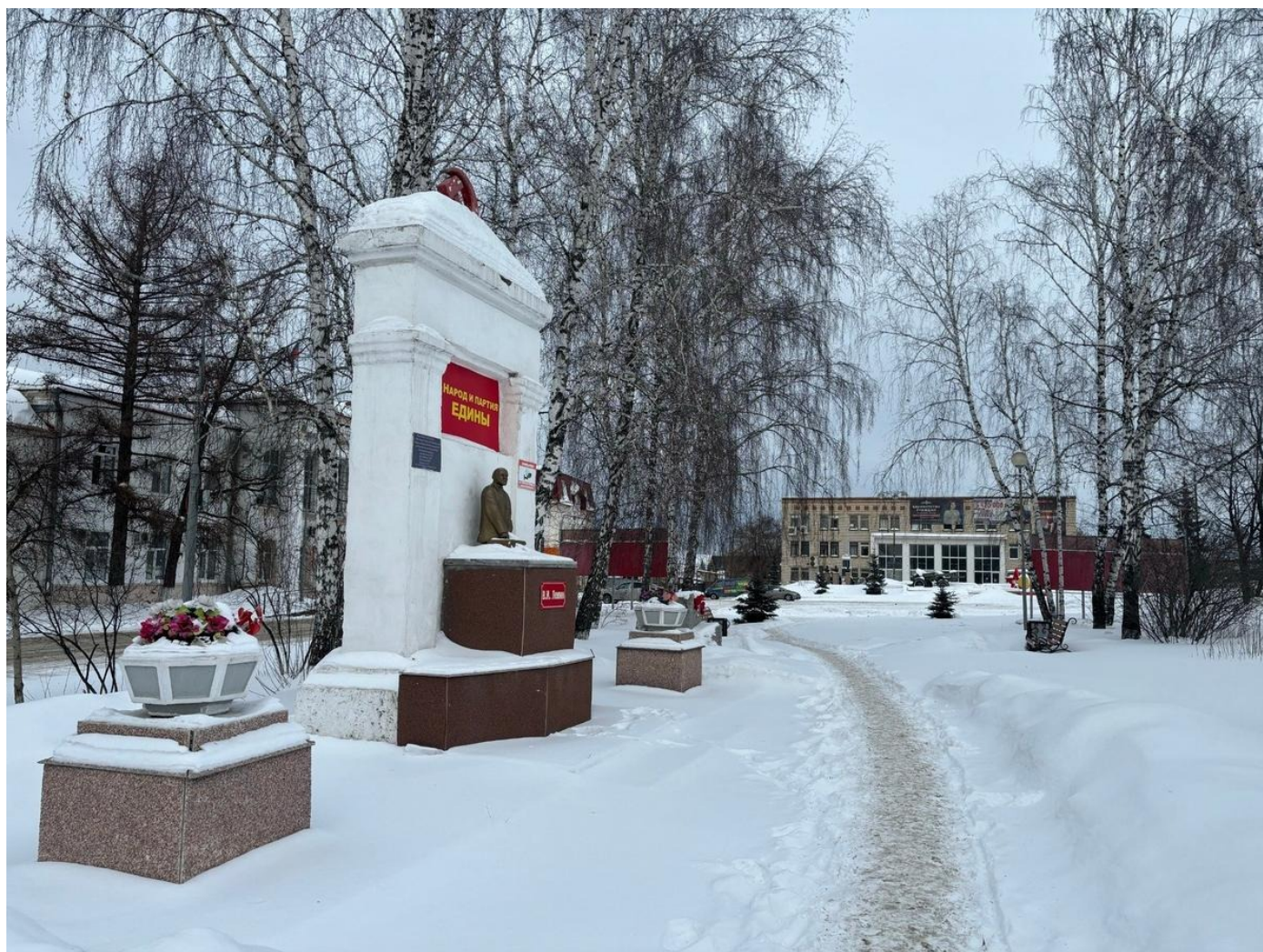

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Деменция его развивалась на фоне февраля, после которого вообще многое изменилось. Мария Антоновна со своим военным детством в анамнезе и с большой телевизионной тарелкой над головой не могла не поверить, что боевые действия — освободительные. Только полтора года спустя ее картина мира стала дополняться новыми мазками:

женщина не понимала, почему спецоперация длится так долго, да и в другом начала сомневаться. А главное, начала бояться: по телевизору, который работал в доме не переставая, начали говорить о преступлениях вернувшихся «вагнеров» — об убийствах,

насилии, кражах.

Игорь с семьей уехал летом 2022-го, и хотя звонил матери регулярнее, чем раньше, и хотя соцработница Нина навещала их почти каждый день, Мария Антоновна все чаще повторяла: «Мы два одиноких, брошенных, никому не нужных старика». К тому же жена офицера никак не могла понять, как это ее муж — всегда такой статный, рукастый и умный — может превратиться в беспомощного лежачего больного. Командиром в доме стала она. И она же стала полной хозяйкой счетов мужа.

Примерно за полгода до своей смерти Мария Антоновна отвела его в банк и сняла все, что было у него накоплено, — около 500 тысяч рублей наличными. С тех пор она чувствовала себя очень состоятельной, чем, как и золотыми украшениями напоказ, не упускала случая хвастаться.

2 июля 2023 года все в этом доме было как обычно. Утром неуверенной синусоидной походкой пришел Артур — раскидывать привезенные дрова. Артур, местный разнорабочий, давно помогал Марии Антоновне — с тех пор, как перекладывать пять машин дров в дровяник и копать огород самостоятельно ей с мужем стало не под силу. Добрый и исполнительный, но слабоумный и сильно пьющий, он подрабатывал здесь за тысячу рублей в день. Утром второго числа он, по своей исполнительности, на работу явился, но толку от этого явления было мало — по состоянию он был не слишком далек от раскидываемых дров, и Мария Антоновна, заплатив все-таки положенную тысячу, отправила его трезветь.

Как показали потом камеры наружного наблюдения, трезветь он пошел в ближайшую «Пятерочку» — ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Тут, по пути к магазину, он и встретил неизвестного ему человека по фамилии Щербаков.

Артур и Щербаков. Скриншот с видеонаблюдения «Пятерочки»

Смутное представление о личности и биографии Щербакова можно составить теперь только по материалам уголовного дела — некоторое время назад к этому можно было добавить соцсети, но теперь все они уже удалены. По паспорту он был жителем города Свободный Амурской области. Архив суда все той же Амурской области дает понять, как Щербаков в этом Свободном городе жил: судя по висящему на сайте приговору, он совершил 12 краж, четыре из которых — группой лиц по предварительному сговору, но убийств и насилия, судя по всему, за ним не замечалось. В общем, он был обычным фортчником, за что в 2021 году на шесть с половиной лет был отправлен в колонию строгого режима.

Спустя год он оказался в зоне боевых действий. И хотя материалы дела об этом умалчивают, но, как сказал потом следователь сыну Марии Антоновны Игорю, оказался Щербаков

там в составе ЧВК «Вагнер». В мае 2023 года он освободился — и от фронта, и от колонии — и поехал в Москву, где в неизвестном, но предсказуемом направлении исчезли выплаченные ему за исполненный контракт миллионы.

Владимир Щербаков. Фото: соцсети

Направления его дальнейшего пути тоже неизвестны, но закончил он в заброшенном сгоревшем доме в Белоярском, пытаясь то ли автостопом, то ли пешком добраться до Тюмени, где жила его сестра. А выйдя утром из этого заброшенного дома, встретил бредущего вдоль тракта Артура и предложил ему немедленно выпить.

Пиво пили не молча. На вопрос о том, где можно подкалымить, участливый Артур рассказал о недораскиданных дровах во дворе Марии Антоновны, куда оба и отправились. Придя, Артур тут же уснул на желтом диване в дровянике, оставив Щербакова

один на один с хозяйкой. Спал Артур так крепко, что неизвестным осталось и то, сколько пробыли они в доме, и то, о чем говорила с Щербаковым Мария Антоновна, пока кормила гостя на построенной мужем веранде и поила водкой, которую держала для расплаты с работниками.

Но по косвенным признакам можно догадаться, что она успела и произнести постоянно повторяемую мантру об одиноких брошенных стариках, и, как обычно, похвалиться своей состоятельностью.

В конце концов Артур проснулся, хозяйка сказала им возвращаться назавтра, и оба ушли. Но ночью, часам к одиннадцати, Щербаков вернулся.

На допросе он рассказывал, что калитка была заперта, так что он пролез во двор, отломив рейку забора. Через небольшое, всегда открытое окно влез на веранду, где несколько часов назад его кормила хозяйка, сел на диван и стал курить — ждал, пока ходившая по дому Мария Антоновна ляжет спать. Но спать женщина не легла: начиналась сильная гроза, и она пошла во двор забрать сушившуюся там перьевую подушку. А когда вернулась, столкнулась с Щербаковым в дверях веранды.

Потом он оправдывался тем, что убивать поначалу никого не хотел, а первый удар нанес потому, что хозяйка начала звать Алису. Алиса — большая пугливая собака, жившая во дворе, но продвинутый Щербаков, как он уверял потом, подумал, что хозяйка зовет голосового помощника Алису, собираясь вызвать полицию. Он взял полено — из тех дров, которые они с Артуром должны были назавтра раскидать в дровяник, — и стал бить.

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

Соседи ничего не слышали — у всех вокруг в это время обычно включены телевизоры. Старик-хозяин не вышел из своей комнаты — и потому, что из-за телевизионных голосов тоже не услышал крика, и потому, что не понимал происходящего. И остался тогда жив. Умер спустя почти ровно год (без двух дней) своей смертью.

Щербакова нашли довольно быстро — по ДНК с окурков, которые он бросал в тот вечер там же, на веранде. Нашли по дороге в Тюмень. Бежать он не пытался, сопротивляться — тоже, вину признал и сказал, что унес из дома 180 тысяч рублей — все, что смог найти. И, по словам адвоката, почти сразу стал проситься обратно на СВО.

Утром в день нападения соцработница Нина позвонила Игорю, и он сразу вернулся домой. Когда его мать привезли в больницу,

она с трудом могла говорить, но все время повторяла одну и ту же фразу, которой раньше от нее никогда не слышали: «Отпустите меня, мародеры!» Откуда взялись эти слова, сын понять не мог — может быть, что-то из детства.

Месяц она пролежала в медицинской коме в паллиативном отделении. Когда ее наконец привели в сознание, врач, позвонив Игорю, сказал: «Приезжайте, иначе можете не успеть попрощаться». Войдя в палату, сын узнал мать только по табличке с именем над кроватью.

Она, всегда за собой следившая, с идеально уложенными волосами, всегда точено-стильная, лежала с проломленным с двух сторон черепом, с разбитой челюстью, побритая налысо, с трубками во рту.

Сама она узнала сына только единожды — на второй день: сказать ничего не могла, но во взгляде мелькнуло удивление, и она некоторое время лежала, поглаживая большим пальцем его руку. Ее возили по клиникам и отделениям, но сделать ничего уже было нельзя, и она умерла спустя полтора месяца.

В приговоре увечья описали скромно: «не менее двух ударов по лицу», но целиком материалов дела Игорь так и не увидел — ему их не показали. Щербакову дали девять лет — по статье 162 (п. «в» ч. 4 — разбой с причинением тяжкого вреда здоровью) и по статье 111 (ч. 4 — умышленное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности). Как и когда обжаловать приговор, следователь Игорю тоже не объяснил, и он с трудом успел это сделать в последний день. В конце концов приговор оставили в силе, но Игорь собирается подать апелляцию опять — чтобы не пустить Щербакова на фронт и чтобы он не добился

своего оСВОбождения снова.

Фото: Виктория Артемьева / «Новая газета»

В опустевшем доме, на стене которого висит портрет Марии Антоновны, живет теперь Алиса — долго искавшая свою хозяйку, не нашедшая ее, но дом так и не бросившая. С ней еще одна приبلудная дворняга и кошки, так что для того чтобы подойти к портрету, по полу приходится ступать, как по минному полю.

Говорят, что некоторые местные Драгомировы уже дождались своих «генералов», и те, возвращаясь, приносят с собой затянувшийся февраль. Один из вернувшихся, говорят, уже свел счеты с жизнью, не выдержав мирной, почерневшей и покосившейся жизни. Два года назад, в январе, здесь снова объявили в розыск вагнеровцев, на этот раз двоих: за изнасилование местной девушки и кражу у нее денег,

украшений и телефона. Но об этом уже мало кто вспоминает.

И уезжая из поселка по Тюменскому тракту, видишь только потухшие грязные окна, Аллею памяти около странно сияющего на фоне черных деревянных хибар белоколонного дома да выцветшие плакаты, поздравляющие с Днем Победы, с рекламами пива внахлест. До фронта отсюда две с лишним тысячи километров.

P.S. Согласно исследованиям медиа, на которое из-за российского законодательства мы не имеем права ссылаться напрямую, с февраля 2022 года из-за действий вернувшихся с фронта участников СВО в России погибло минимум 423 человека.

Материал создан в сотрудничестве с [Центром помощи пострадавшим от домашнего насилия](#). Автор искренне благодарит сотрудников центра за помощь в работе.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«У нас нет оправданий»](#)

Репортаж из уральской Ревды, где пьяный участник СВО убил двух школьников

10:12, 10 декабря 2025, Иван Жилин